

Инна КИМ

## **Геннадий Челбогашев: «Моим творчеством руководит дух предков»**

Сибирский художник Геннадий Челбогашев известен в Санкт-Петербурге, где он многие годы живет, прежде всего как архитектор, который спроектировал храм во имя Усекновения Главы Иоанна Предтечи и храм Сретения Господня, а также памятники Тургеневу и Багратиону. А вот на малой родине его больше знают как великолепного рисовальщика, который виртуозно работает карандашом, акварелью и сепией, перенося на графические листы словно дремлющие в подсознании древние мифы родной Горной Шории.

Этот удивительный край занимает южную часть Кемеровской области. Здесь расположены поросшие тайгой хребты Северного Алтая и многочисленные современные угольные разрезы. Свое название Горная Шория получила от издавна обитающего на данной территории самобытного шорского народа, представителем которого и является член Союза архитекторов России, профессор московского отделения Международной академии архитектуры, лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга Геннадий Карпович Челбогашев.

Родился он в 1965 году в поселке Березовая Речка (Таштагольский район), где сейчас проживают всего несколько десятков человек. Вернее — доживают, так как основное население шорских поселков — это старики. Да и сами шорские деревеньки — старейшие поселения в Кузбассе. Обнаруженные здесь захоронения датируются III и IV тысячелетиями до нашей эры.

Раннее детство Геннадия Челбогашева пришлось на вторую половину 1960-х годов, когда полным ходом шла миграция шорцев в города и крупные поселки. А главное — исчезал язык, с потерей которого неизменно гибнет этнос. Вот и в семье Геннадия больше говорили на русском, чем на шорском, да и каких-то старинных шорских традиций особо не придерживались.

Но художник помнит то особенное отношение к природе как к чему-то одушевленному, которое отличало его родителей. Большая семья Челбогашевых — а Геннадий был седьмым ребенком — жила

за счет охоты. Неудивительно, что они, как и их далекие предки, почитали природу за ее дары. Вообще Челбогашевы жили очень просто, а их дети, как было заведено в шорских семьях из поколения в поколение, во всем им помогали. Они ловили рыбу, собирали ягоды и кедровые орехи, ухаживали за скотиной.

Родители умерли от туберкулеза, когда мальчику было всего лишь шесть лет. И его вместе с братьями и сестрами отправили жить и учиться в школу-интернат соседнего города Междуреченска.

Именно в интернате будущий архитектор и график впервые взял в руки карандаш — для такого «баловства» в семье Челбогашевых, как и в десятках живущих в шорских поселках семей, попросту не было ни времени, ни возможности. Увлеченный игрой линий, шестилетний мальчик нарисовал несколько домов — и у него получился город. И хотя одаренного школьника никто не учил рисовать, он продолжал без устали заполнять альбомные листы воображаемыми городами и словно оживающими картинами природы, пока его сверстники гоняли футбольный мяч.

Повзрослев, он уехал в Кемерово, где с отличием окончил архитектурно-строительный техникум. Однако талант и призвание влекли его дальше, и Геннадий перебрался в Санкт-Петербург, где поступил в Академический институт живописи, скульптуры и архитектуры (знаменитую Репинку), которую в 1993 году окончил с золотой медалью.

Геннадий Челбогашев давно живет и работает в Санкт-Петербурге, но все это время в его сердце остается трепетная любовь к малой родине и ее одушевленной природе. И хотя сам художник признается, что не знает ни древних шорских традиций, ни причудливого шорского эпоса, все его сдержанные по цвету картины, все мастерски проработанные графические листы наполнены образами таинственных духов и животных, испокон веков обитавших среди изрезанных петроглифами скал и суровых лесов.

Издавна у всех шорских поселений были свои родовые горы. Почти все они очень старые, невысокие — едва высовываются из сплошного таежного моря. Те, что повыше, почитались особо — как священная родовая гора Ай-Каан на реке Мрассу, недалеко от Междуреченска. По шорским верованиям, собственной душой обладает каждая гора и река, любой ручей, дерево, камень, так что таежные склоны населены природными духами различных стихий, живущими бок о бок с людьми. Эти духи были такими древними, что их даже никак не изображали, потому что в шорской вселенной они существовали задолго до того, как люди научились делать идолов. А еще за каждым шорским родом числилось свое животное-тотем — ворон, медведь, шор. Последнего, давшего имя шорскому народу и представлявшего собой некоего диковинного зверя, возможно — из давно вымерших, рисовали на бубнах самых сильных шаманов.

«Я создаю произведения на основе своего мироощущения, стараюсь передать силу и свободу шорского народа, его неделимую и гармоничную связь с природой, к которой наш народ всегда обращался

за помощью, и природа обязательно ему помогала, — делится Геннадий Карпович. — Если честно, этой потрясающей красоты, которая поразила меня в далеком детстве, очень сейчас не хватает. Шорские традиции утеряны, но я уверен, что в каждом человеке есть дух предков. И я чувствую его внутри себя, это он руководит моим творчеством».

А особенно интересна художнику тема шаманизма. Образ таинственного и величественного избранника богов и хранителя традиций — шамана, умеющего общаться с миром духов и природой, по-настоящему притягивает графика из Санкт-Петербурга.

Когда-то у каждого шорского поселения были свои сказители и кузнецы. Первые воспитывали детей, помогали жить взрослым, потому что их сказки и легенды рассказывали, как устроена вселенная и наш мир и как человек должен в этом мире себя вести. А вторые делали такие чудесные вещи из железа, что осваивавшие Сибирь казаки готовы были дорого заплатить, чтобы заполучить кольчуги и клинки шорских умельцев. Но самыми важными людьми оставались шаманы, которыми могли стать только особые избранники доброго Ульгения, жившего на девяти небесах.

Ульгень и Элрик — братья-творцы. Первый сотворил солнце, луну, звезды, землю и реки. Второй — горы. Первый создал птиц, зверей и человека, но человеческую душу, как ни старался, сотворить не смог. Это сделал Элрик, поставив условие, что созданная душа будет принадлежать ему, а телом пусть владеет Ульгень.

И шорцы верили, что добрый бог, живущий на небе, и злой бог, обитающий в подземье, равны между собой, а их власть над человеком одинакова. Так что все хорошее: счастье, здоровье, богатство — дается людям по воле обоих божеств, а не одного. И очевидное зло — болезни и несчастья — тоже.

Сохранившая этническое самосознание оригинальная графика Геннадия Челбогашева находится в Таштагольском музее этнографии и природы Горной Шории, экспонируется в кузбасских художественных музеях. И производит на земляков необыкновенно сильное впечатление.

И неудивительно! Фантастические миры Геннадия Челбогашева рождают невероятную перспективу. Работы художника словно беспрестанно ударяют зрителей электрическим током. От них идет такая природная мощь, как будто в голове одновременно взрываются несколько десятков шаровых молний.

Летающие камни. Невиданные рыбы. Оскалившиеся медведи. Клекочущие хищные птицы. Крылатые женщины — стражи забытых руин. Пугающие и завораживающие лики шаманов, которые путешествуют в иных мирах и вплетают древнее колдовство в паучы сети ловца снов. Ангелы, кочевники, охотники. Диковинные духи природы. И среди них — сам Дух Сибири с доверчивой бабочкой на руке.

Все это и многое другое — причудливое, бесстрастное, мощное, как прячущиеся в глубинах человеческого сознания архетипы

и как безмерно одаривающие и безжалостно уничтожающие людей природные стихии, — перенес на свои потрясающие графические листы не потерявший связь с родной землей и ее мифами шорский художник.

Его чрезвычайно талантливые произведения синкретичны — так двойственны и образы родной культуры, которые он изображает. С одной стороны, картины Геннадия Челбогашева отражают шаманские верования и красоту сибирской природы. А с другой — запечатлевают воззрения самого автора, вписанные в канву мировой художественной культуры.

